

Николай Бережной
Николкины рассказы

Рассказы для детей

Николай Бережной

Николкины рассказы.

Рассказы для детей

«Издательские решения»

Бережной Н.

Николкины рассказы. Рассказы для детей / Н. Бережной —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741457-3

Бывает же так! Внезапно нахлынут воспоминания. Вспомнились голоса, когда-то окружающих меня людей. Детей, взрослых. Друзей детства, одноклассников, родителей. Песни далёких лет с пластинок радиолы. Чёрно-белый динамик радио на стене: «Вы слушаете радиостанцию „Тихий океан“. Передаём концерт по заявкам для моряков и рыбаков Дальнего Востока». Запах свежести принесённого мамой белоснежного белья с мороза. Как это называется — дежавю, кажется.

ISBN 978-5-44-741457-3

© Бережной Н.
© Издательские решения

Содержание

Укуруши	6
Чудище из банки	8
Друг мой, Мишка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николкины рассказы

Рассказы для детей

Николай Бережной

Иллюстратор Ксения Сибилева

© Николай Бережной, 2024

© Ксения Сибилева, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4474-1457-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бывает же так! Внезапно нахлынут воспоминания. Вспомнились голоса когда-то окружавших меня людей. Детей, взрослых. Друзей детства, одноклассников, родителей. Песни далёких лет с пластинок радиолы. Муслим Магомаев, Жан Татлян, Марк Бернес. Чёрно-белый динамик радио на стене: «Вы слушаете радиостанцию „Тихий океан“. Передаём концерт по заявкам для моряков и рыбаков Дальнего Востока».

Запах свежести принесённого мамой белоснежного белья с мороза. Тепло печки, вкус конфет из детства вспомнились мне как-то одновременно! Как это называется – дежавю, кажется. Несколько дней я был в плену этих странных ощущений, в итоге вспомнил несколько историй из своего детства.

Укуруши

Когда я был маленьким, мы жили на Чукотке. Иногда с мамой и папой мы летали на самолёте в отпуск. Самолёт летел очень долго. Потом несколько дней надо было ехать поездом, потому что мои бабушка с дедушкой жили на Кубани. Это так далеко! Жили они в совхозе, в собственном доме. За домом огромный огород и очень большой двор. Во дворе жили куры, утки, гуси. Каждый вечер, когда дедушка возвращался с работы, мы всей семьёй ужинали за большим деревянным столом во дворе под высоким орехом. В конце ужина мама или бабушка резали вкусную дыню и сладкий арбуз.

Я с нетерпением ждал, когда мама разрежет арбуз, нажмёт на него сверху, он как треснет! и тут же распадётся на скибки, а розовая, нежная, сладкая серединка останется в центре. Взрослые эту серединку называли «душа». Я очень любил арбуз, и особенно его «душу».

– Кому сегодня достанется «душа»? – каждый раз спрашивала бабушка.

Все взрослые и я заранее знали, что «душа» достанется, конечно, мне, потому что я самый маленький, а других детей у них ещё не было.

После того как мы съедим весь арбуз, бабушка надевала очки, брала острый нож и тут же на досочке резала арбузные корки на мелкие кубики, собирала их в небольшой тазик, чтобы потом высыпать остатки нашего десерта курам и уткам.

Бабушка подходила к изгороди птичьего двора и звала: «Цып, цып, цып, цып, цып...». На её «цып, цып» из сарая выбегали запыленные куры, цыплята. Кудахтая, взмахивая крыльями, наперегонки они бежали к тому месту, куда бабушка высыпала измельчённые корки арбуза.

На Чукотке ведь кур нет, и мне было очень интересно наблюдать, как птицы, толкая друг друга, клевали «упавшую с неба» еду.

Я стоял рядом с бабушкой и сквозь изгородь наблюдал за происходящими на птичьем дворе событиями.

Интересно, думал я, а как это куры и цыплята слышат бабушку? Ведь у них нет ушей на голове. Есть клюв, глаза, гребешок, а ушей-то нет. Странно как-то. Может быть, у них гребешок вместо ушей?

Я толкнул бабушку в ногу и спросил:

– Бабуль, а укуруши есть?

– Что? – не поняла бабушка.

– Я говорю: укуруши есть? – повторил я вопрос.

Бабушка внимательно на меня посмотрела, на секунду задумалась и сказала:

– Пойди у мамы спроси...

В это время моя мама жарила пышки на летней кухне.

Я подошёл к маме и говорю:

– Мам, укуруши есть?

– Что? – строго повернулась ко мне мама.

– Укуруши есть? – снова спросил я.

Мама очень серьёзно на меня посмотрела и, ничего не сказав, молча отвернулась, чтобы перевернуть на сковородке подрумянившуюся пышку.

Потом мама сунула мне в руку одну из остывших пышек и сказала:

– Иди на улицу, тут жарко...

Я растерянно стоял в дверях кухни с пышкой в руке и не знал, что мне дальше делать.

Я не мог понять, почему никто не хочет ответить мне на простой вопрос: есть у кур уши или нет.

Постояв в раздумьях, я набрался смелости, снова подошёл к маме и решительным голосом ещё громче спросил:

– Мам, а укуруши есть?

Мама повернулась ко мне и неожиданно как треснет меня по затылку рукой, а потом как закричит:

– Какие такие «укуруши»? Ты чего ко мне пристал: «укуруши», «укуруши»! Нет у меня никаких «укуруш»! Иди у бабушки спроси! У меня пышки горят!

Тут я уже не выдержал и как заревел:

– Что же это такое! А-а-а... Никто не хочет со мной разговаривать, а-а-а... Никто не может мне ответить на простой вопрос!

На мой рёв в кухню вбежала бабушка. Мама отставила с печки сковороду и тоже подошла ко мне. Теперь и мама, и бабушка озадаченно пытались выяснить, какое такое горе случилось у ребёнка?

– Сынок, что случилось, что ты хотел спросить?

Обе женщины наклонились ко мне. И тогда я изо всех сил, сквозь рыдания и всхлипывания, сказал:

– Я хотел... у вас только спросить... у кур, у КУР! Понимаете? – Я поднял обе руки к своей голове: – У кур уши есть?! – эмоционально жестикулируя, сквозь слёзы произнёс я.

Тут и мама, и бабушка стали смеяться.

Мама взяла меня на руки, обняла, поцеловала в мокрое от слёз лицо и сказала:

– Ну конечно, конечно же, есть, есть у кур уши.

– Прости нас, внучок, мы тебя просто не поняли, – причитала бабушка.

А вечером дедушка поймал курочку и показал мне два отверстия на маленькой куриной головке. Оказалось, и правда, есть у кур уши!

Чудище из банки

Хмурое осеннее утро. Вместе с папой мы идём в детский сад, крепко держась за руки.

И что-то мне так грустно на душе. Бывает же такое! Ещё вчера перед сном я начал вспоминать, когда же я познакомился со своей мамой? Не помню... А с папой? Тоже не помню! И теперь иду и вспоминаю. Мишку я давно знаю, Алёшку тоже давно. И всех девочек и мальчиков в своей группе знаю, потому что когда я в детский сад пришёл, все дети были уже в группе. Мы пели хором на новогоднем утреннике и на других праздниках. Но вот где и как мы познакомились с мамой и папой – я никак не могу вспомнить.

И от этих мыслей мне так грустно стало, что даже плакать захотелось. Папа, наверное, о чём-то догадался, наклонился ко мне, посмотрел в лицо и спросил:

– Сыночек, что-то случилось? Ты почему такой грустный?

А я папе так и сказал:

– Детство вспомнить не могу...

И даже слёзы выкатились у меня из глаз.

Папа так удивился! Остановился, улыбнулся, достал носовой платок, вытер мои слёзы и бодро сказал:

– Какие наши годы, сынок! Вся жизнь впереди! Вспомнишь ещё!

И моё настроение сразу начало подниматься. Папа у меня хороший! Добрый и весёлый!

Мы пришли. Калитка. Знакомое высокое крыльцо. В раздевалке, как всегда, тесно и шумно. Папа меня раздел, повесил одежду в шкафчик, улыбнулся, весело подмигнул: «Пока!», и я пошёл в группу.

После завтрака мы сели рисовать. Воспитательница дала каждому лист бумаги и сказала:

– Сегодня мы рисуем на произвольную тему.

Это значит, что каждый может нарисовать всё, что хочет! Только я какой-то сам не свой. Карандаши падают из рук, скатываются со стола на пол.

Я не знал, что нарисовать такое, чтобы мне понравилось. Дети рисовали кто что умел. Мальчишки войну: танки, самолёты. Девочки рисовали цветы, платья, любимых кукол.

Потом нас всех одели и повели на улицу гулять. И тут – как всегда! Только у нас с Мишкой появились важные дела, Марина Анатольевна объявила, что прогулка окончена.

– Все собираемся и идём в группу, – громко позвала воспитательница.

Тут ко мне подошёл Мишка и сказал:

– А давай мы не пойдём в группу.

– Как это? – спросил я.

– А давай убежим.

– Как же мы убежим, если вокруг детской площадки забор? – недоверчиво спросил я.

– А мы спрячемся в домике, под скамейкой. А когда все уйдут в группу, мы вылезем и убежим, – заговорщически сказал Мишка.

«Ничего себе, – подумал я. – Вот это Мишка! Ну, хитрец!» И мы потихонечку, незаметно подошли к домику. Домик на детской площадке был с крышей, но без стен. Он назывался «беседка». Мы оглянулись, и пока нас никто не видит, легли на землю и закатились под скамейки.

Тут нас точно никто не найдёт. Мы с Мишкой затаились так, что даже не дышали. Нам было только слышно, как воспитательницы говорили между собой.

Через некоторое время воспитательница из другой группы увела детей в детский сад. Потом она вернулась и спросила Марину Анатольевну: «Ну, кого не хватает?», и Марина Анатольевна назвала наши фамилии. Мы с Мишкой затаили дыхание. Как она узнала?

Я лежал на песке и, рассматривая снизу серые некрашенные доски скамейки с загнутыми ржавыми гвоздями, думал: «Что же теперь будет? Вдруг нас найдут?».

Мишка тоже лежал напротив и смотрел на меня перепуганными глазами.

И тут другая воспитательница спросила:

– А ты точно посчитала?

– Да, – ответила Марина Анатольевна.

– Коля, Миша! – стала звать нас воспитательница.

Я испугался и уже хотел выскочить из-под скамейки, но тут Мишка показал мне свой кулак и прижал палец к губам. В этот момент ноги Марины Анатольевны зашли в нашу беседку и остановились между мной и Мишкой, прямо перед моими глазами. Ноги, обутые в женские сапожки, постояли, сделали шаг вперёд, потом назад, повернулись, и вдруг я увидел перед собой перевёрнутое лицо Марины Анатольевны!

– Ага-а, попался? А ну-ка, быстро вылезай! – сказала она сердитым голосом. – И ты! – повернулась в Мишкину сторону.

Мы молча выкатились из-под скамеек, поднялись на ноги и быстро-быстро стали отряхивать с одежды влажный песок с таким усердием, будто это было самым любимым нашим занятием.

– Ну, вы у меня сейчас получите! – угрожающе сказала Марина Анатольевна и подтолкнула нас к выходу из беседки. Вторая воспитательница, стоя рядом с калиткой и покачивая укоризненно головой, смотрела в нашу сторону.

Опустив головы и всё ещё отряхивая песок, мы нехотя побрели в сторону крыльца, где был вход в среднюю группу.

Марина Анатольевна ругать нас больше не стала, потому что была красивая и добрая, а мы с Мишкой были виноваты и всё время молчали. Нас даже в угол не поставили.

Мы разделись, повесили свою одежду в шкафчики, вымыли руки и пошли на обед. Все дети давно сидели за своими столиками и громко звенели ложками. Мы с Мишкой тоже сели за свой стол и только взялись за ложки, как услышали за своей спиной:

– А рыбий жир?!

Это нянечка подошла к нам с бутылочкой, из которой каждому в ложку наливала свой противный рыбий жир. Как я его не любил! Просто ненавидел! Мне так не нравился его запах! Меня даже тошнило от этого ужасного рыбьего жира.

– Ну, давайте свои ложки!

Мишка молча подставил ложку, а я со всей силы стиснул зубы, посмотрел на нянечку и замотал головой. Увидев моё перекошенное лицо, снисходительно улыбнувшись, нянечка сказала: «Ну и ладно...» и пошла на кухню, унося с собой злосчастную бутылку. Она знала, что я не люблю рыбий жир и что мне от него будет плохо.

Потом был тихий час. Когда проснулись, разучивали песню про маму, играли с игрушками, а после ужина ждали, когда за нами придут родители.

За мной пришёл папа, потому что мама была на работе. Папа очень спешил и стал торопить меня:

– Скорее одевайся, надевай штаны! Рубашку! Ну что ты возишься?

А потом вдруг говорит:

– Если ты быстро оденешься, я дам что-то очень интересное!

Я так обрадовался! Быстро оделся, папа завязал шнурки моих ботинок, взял меня за руку, и мы пошли домой. День к вечеру наладился. Яркое солнце ещё выглядывало из-за сопки, а я шёл и думал: «Что же это папа мне такое приготовил интересное?».

Папа открыл ключом дверь, мы зашли, и я от нетерпения сразу побежал на кухню.

– Пап, а пап... Что же ты мне хотел показать?

Но папа молчал, наверное, он не знал, что мне отвечать. Может быть, у него и вовсе ничего не было и всё это он нарочно придумал?

И тут я увидел на столе консервную банку. Я влез на стул, взял банку в руки и стал внимательно её разглядывать. Что это на ней нарисовано? К моему удивлению, на банке я увидел голову чудовища! У него был один глаз и очень страшная длинная белая борода. Что это?

– Пап! Вот это? Да? Вот это ты хотел мне показать?

Папа очень обрадовался, хитро улыбнулся, подошёл ко мне и радостным голосом сказал:

– Да, да! Ну конечно!

Что же мы будем с этим делать, подумал я.

– Мы что, будем это кушать?

– Ну да! – ответил папа.

Я с недоверием рассматривал страшное чудовище на этикетке. Как такое можно есть?

И тут папа взял консервный нож, посмотрел на меня и говорит:

– Ну что, открываем?

– Открываем, – тихим, не очень уверенным голосом ответил я.

Папа воткнул в банку нож, ударил по нему рукой и стал её открывать. Мне было так интересно, и я хотел как можно скорее заглянуть под жестяную крышку банки.

Но папа не торопился. Он медленно, как бы испытывая моё терпение, стал поднимать крышку, и то, что я увидел, вовсе поразило меня! В банке были какие-то белые кусочки, а сверху на них лежали страшные щупальца с крючками на концах. Ух ты! Как на картинке!

Папа вопросительно посмотрел на меня. Ну, как тебе? Ты такого ещё не видел, – как будто спрашивал он, а я смотрел то в банку, то на папу и молчал. Я так растерялся, что даже не мог ничего сказать. Что же теперь будет? Неужели это чудовище можно есть?

Потом папа взял вилку, наколол на неё щупальца и спросил:

– Будешь?

– А ты? – писклявым от волнения голосом протянул я.

– Я-то буду, а ты что, испугался?

Я и правда испугался, но не мог же я признаться папе. И тогда я сказал:

– Давай! – и открыл рот.

Папа положил мне на язык белые щупальца с крючками и стал смотреть, что будет дальше.

А я смотрю в банку, где лежат другие щупальца, и боюсь закрыть рот.

Папа говорит:

– Ну, ешь! Ты почему рот не закрываешь?

Я закрыл рот, но жевать не стал.

Папа мне опять:

– Ты почему не ешь? Жуй и глотай! Они вкусные!

Кто это «Они», подумал я. Как же «Их» можно глотать?

– У-у-у... – замычал я и замотал головой.

– Ты чего мычишь? – спросил папа. – Ешь давай!

– Нет! – промычал я с набитым ртом. – Не могу!

– Почему? – удивился папа.

– Они мне кишки перепутают! – ещё сильнее замотал я головой.

Тут папа не выдержал, засмеялся, наколол на вилку такой же кусочек и быстро его съел.

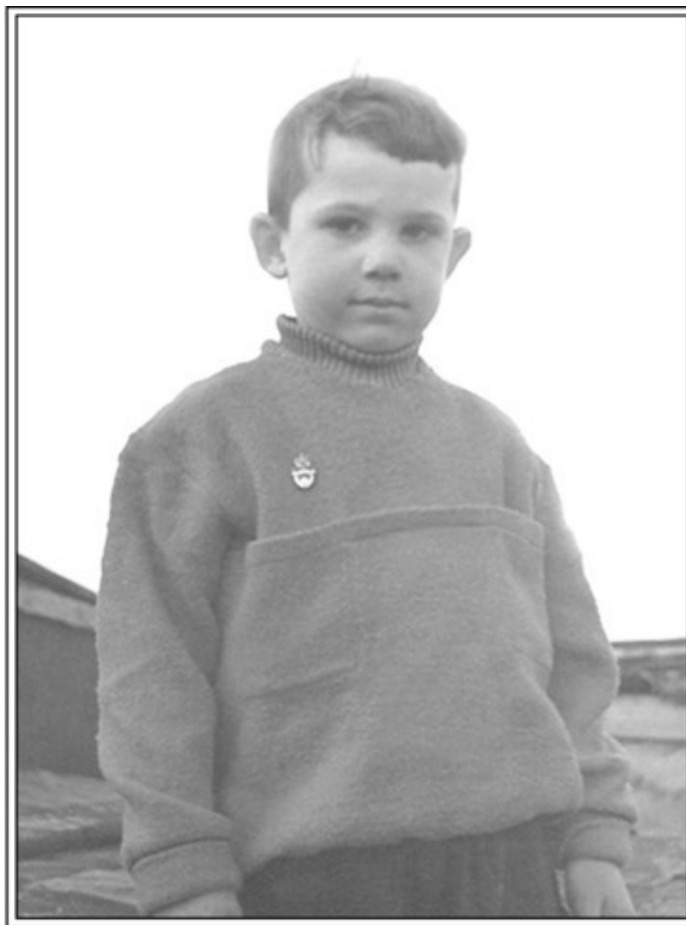
– Да нет же, не перепутают! – не переставал смеяться папа, и только тогда я проглотил угощение.

Папа весело на меня посмотрел и сказал:

– Кальмары! Видишь? – показал пальцем на банку. – Каль-ма-ры! – по слогам повторил папа. – Они в море живут!

«Ну и ну, – подумал я. – Чего только не бывает в этой жизни!»

Друг мой, Мишка

Мишка жил недалеко от школы, около погранзаставы. У Мишки была большая семья: мама, папа, маленький брат и ещё много старших братьев. А Мишкин папа был всегда очень сердитый. Мы никогда не заходили к Мишке в дом, и всегда ждали его за забором около калитки. Каждый раз, когда мы ждали Мишку, из-за забора доносился громкий, ужасно сердитый голос Мишкиного папы. Мишкиного папу мы никогда не видели и очень боялись. У него был такой страшный голос, что нам становилось даже не по себе. Бедный Мишка! Как нам его жалко!

Мишка, наверное, стеснялся показывать нам своего папу, и поэтому никогда, даже ни одного раза нас не пригласил к себе в гости.

И вот однажды, когда в очередной раз мы слышали за забором, как Мишкин папа сильно ругал Мишку, при этом говорил такие страшные слова, которых мы никогда даже и не слышали, мы решили Мишкиного папу проучить. А что мы могли сделать? Ведь он был такой большой, просто – огромный! И тогда мы написали ему письмо.

Мишке мы ничего не сказали. Мишка даже не знал про это письмо. Мы написали, что если он, Мишкин папа, будет обижать нашего Мишку, мы ему такую жизнь устроим! Мало не покажется! А ещё мы написали, что ему надо лечиться у врача, и положили две копейки в конверт вместе с письмом – на лекарства! Так и написали: «А это Вам на лекарства! Лечиться надо! Разве можно так кричать на детей!»

Мы долго ждали своего друга, и когда поняли, что Мишку гулять сегодня не выпустят, бросили конверт с письмом в почтовый ящик, который висел на Мишкиной калитке.

На следующий день обычно весёлый и никогда не унывающий Мишка пришёл в школу очень потерянный. Просто лица на нём нет! Он подошёл ко мне и спросил: «Это вы письмо написали?».

«Ну да, – осторожно ответил я. – А как узнали? Ведь мы же не писали, что это мы!»

Мишке совсем стало плохо. Казалось, он сейчас заревёт. Но Мишка – держался!

В конце уроков Мишка снова подошёл ко мне и сказал: «Мне сегодня идти домой нельзя. Меня теперь все будут ругать».

Я не мог Мишку оставить одного. Куда же ему теперь бедному идти? И мы после школы пошли вдвоём куда глаза глядят.

Мишка вдруг улыбнулся и сказал: «А хочешь, я тебе один секрет расскажу?».

«Конечно, хочу!» – оживился я. Кто же это от секретов будет отказываться?

С Мишкой мне всегда было интересно! Он вечно что-нибудь да придумает весёленькое!

И тогда Мишка повёл меня с дороги в кювет к самому длинному деревянному забору из старых досок. Там, за забором, были склады. Бараки. Дома такие. Одни бараки были сделаны из досок, другие из камней, как на нашей сопке. На маленьких окнах барачков стояли решётки. А между этими бараками чего только не было! Всякие громадные ящики, какие-то железные конструкции, брёвна, доски, деревянные бочки, канаты, трубы и много ещё чего, но самое интересное, это когда только пролезешь через дырку в заборе, сразу были громадные тюки с серой паклей. Эти тюки были уложены пирамидой высотой с двухэтажный дом и накрыты огромным брезентом. Если занырнуть под брезент, там столько разных ходов! Мы часто лазили между тюками, словно в пещерах. Играли в прятки и в войну. Иногда нас прогоняли рабочие или сторожа, и тогда приходилось идти домой и учить уроки.

Я подумал, что Мишка ведёт меня туда. Наверное, он хочет показать мне свой штаб или ещё чего. Но мы почему-то прошли мимо нашего потайного лаза в заборе, а Мишка шёл и внимательно смотрел себе под ноги, на траву, на кусты, которые росли под самым забором. Такое было впечатление, что Мишка что-то искал! Вдруг Мишка и впрямь обрадовался, сунул руку под куст и вытащил из сухих листьев настоящие три рубля!

– Вот, смотри! – сказал Мишка. – Если повезёт, ещё найдём!

Но больше мы ничего не нашли. Зато Мишка подсказал мне умную вещь, что все деньги, которые люди теряют в посёлке, ветром приносит сюда, к этому забору, и они задерживаются здесь в траве или в кустах. Ему этот секрет рассказал брат. Мишка часто ходил вдоль этого забора. Когда мы с пацанами шли по дороге, Мишка молча отделялся от нас и шёл прямо к своему забору. Мы сначала спрашивали: «Мишка, зачем тебе этот забор?». Ведь там кроме пыльных кустов и всякого другого мусора ничего нет! Но Мишка знал, что кроме бумажек от конфет там есть кое-что поинтересней. Он хранил эту тайну от всех и никому не рассказывал.

Но сейчас за этим самым забором работал большой кран и рабочие загружали в машины наши огромные тюки.

Тогда мы пошли на берег залива, где лежали штабелями брёвна. Там, на берегу лагуны, был лесосклад. А ещё была пилорама и много, много всяких досок и опилок. Мишка сказал:

– Давай мы построим шалаш, как у Робинзона Крузо, и я буду в нём жить.

– Давай, – согласился я. – Тем более что я уже умею строить настоящий шалаш.

Прошлым летом, когда мы были в отпуске на Кубани, папа и мама брали меня с собой в поход. Мы ходили в самый настоящий лес. Там была речка. Мы ловили рыбу и нанизывали её на ветку, папа называл эту ветку смешным словом – кукан. Правда, всю пойманную нами рыбу ночью съели раки, потому что папа оставил её в речке на кукане. Зато мы жили в настоящем шалаше из веток, который построили сами.

Я и Мишка выбрали место, где было много сухих опилок, и стали собирать тонкие, но широкие и длинные доски. Доски мы ставили узким краем к небу, и через какое-то время у нас получился шалаш. Правда, он был круглый и больше похож на индейский вигвам, но нам

очень даже понравился. Вдвоём с Мишкой мы могли в нём сидеть и даже лежать, если поджать под себя ноги.

Понадобилась ещё одна доска, я нагнулся и стал её поднимать, как вдруг из-под доски выскочила маленькая серая настоящая мышь! Я тут же бросил доску, и накрыв мышь своей ладошкой, придавил её к опилкам.

– Мишка! – заорал я, – Ми-иш-ка, скорей! Ко мне! На помощь! – кричал я не переставая.

Мишка подбежал и вопросительно на меня посмотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.